

Александр
ДЮМА
(1802 - 1870)

Пролог

1. Старый дворянин и старый дворецкий

В один из первых дней апреля 1784 года примерно в три часа с четвертью пополудни наш старый знакомец, убежденный сединами маршал де Ришелье, подправил брови ароматической краской, оттолкнул рукою зеркало, которое держал камердинер, сменивший, но не полностью заменивший преданного Раффе, покачал головой и со свойственным одному ему выражением промолвил:

— Ну что ж, теперь недурно.

Он встал с кресла и залихватским щелчком стряхнул пылинки белой пудры, просыпавшиеся с парика на короткие штаны из небесно-голубого бархата.

Затем, оттягивая носок и плавно скользя по паркету, он проделал несколько кругов по туалетной комнате и позвал:

— Дворецкого ко мне!

Минут через пять появился дворецкий, одетый в парадную ливрею.

Маршал принял серьезный, соответствующий обстоятельствам вид и осведомился:

— Надеюсь, вы подготовились к обеду как следует?

— Разумеется, ваша светлость.

— Я ведь передал вам список приглашенных, не так ли?

— И я в точности запомнил их число, ваша светлость. Девять персон, правильно?

— Персоны персонам рознь, сударь.

— Да, ваша светлость, но...

Маршал прервал дворецкого нетерпеливым жестом — едва заметным и вместе с тем величественным.

— «Но» — это не ответ, сударь мой! И кроме того, всякий раз, когда я слышу слово «но» — а за восемьдесят восемь лет я уже слы-

шал его не единожды, — мне, как это ни прискорбно, становится ясно, что далее последует какая-нибудь глупость.

— Ваша светлость!..

— Во-первых, в котором часу вы собираетесь подать обед?

— Буржуа обедают в два, ваша светлость, судейские — в три, а знать — в четыре.

— А я, сударь?

— Сегодня вы, ваша светлость, будете обедать в пять.

— В пять, вот как?

— Да, ваша светлость, как король.

— Почему же как король?

— Потому что в списке, который я имел честь от вас получить, присутствует имя короля.

— Отнюдь, сударь мой, вы ошибаетесь; на сегодня я августейших особ не приглашал.

— Ваша светлость изволит шутить со своим преданным слугой, и я благодарю вас за оказанную честь. Но среди приглашенных есть господин граф Хага...

— Так что ж?

— Но ведь граф Хага — король.

— Короля с таким именем я не знаю.

— Прошу меня извинить, ваша светлость, — поклонившись, проговорил дворецкий, — но я думал, я полагал...

— Думать вам никто не приказывал, сударь мой! Полагать что-либо — это не ваше дело. Вам надобно только читать распоряжения, которые я отдаю, без каких бы то ни было рассуждений. Когда я желаю, чтобы вам что-либо было известно, я говорю об этом, а коль скоро я молчу, значит, не хочу вас ни во что посвящать.

Дворецкий поклонился снова — на сей раз даже с большим почтением, чем если бы перед ним находился сам король.

— Поэтому, сударь, — продолжал старый маршал, — раз я августейших особ не приглашал, извольте накормить меня обедом как всегда, то есть в четыре часа.

При этих словах лицо дворецкого исказилось так, словно ему только что объявили смертный приговор. Он побледнел и даже несколько согнулся под тяжестью нанесенного удара.

Затем, собрав в отчаянье последние силы, он выпрямился и отважно возразил:

— Пусть будет так, как угодно Господу, но вы, ваша светлость, отобедаете в пять часов.

— Это еще почему? — вскинулся маршал.

— Потому что подать обед раньше физически невозможно.

— Сударь мой, вы служите у меня уже лет двадцать, если не ошибаюсь? — спросил старик, надменно покачав головой, которой возраст, казалось, еще не коснулся.

— Двадцать один год, месяц и две недели, ваша светлость.

— Так вот, сударь мой, к двадцати одному году, месяцу и двум неделям вы не прибавите более ни дня, ни даже часа. Понятно? — нахмурившись и поджав тонкие губы, отвечивал маршал. — Сегодня вечером можете начинать подыскивать себе нового хозяина. Я не потерплю, чтобы слово «невозможно» произносилось у меня в доме. Привыкать к нему в моем возрасте уже поздно: у меня нет на это времени.

Дворецкий поклонился в третий раз и проговорил:

— Сегодня вечером я возьму у вашей светлости расчет, однако до самой последней минуты буду отправлять свою службу как должно.

С этими словами он отступил на два шага к двери.

— Что значит «как должно»? — вскричал Ришелье. — Зарубите себе на носу, сударь: здесь все должно делать так, как мне нужно! Я желаю обедать в четыре, и мне не надобно, чтобы вы сажали меня за стол на час позже.

— Господин маршал, — сухо отозвался дворецкий, — я служил экономом у его светлости принца де Субиза и управляющим у его светлости принца кардинала Луи де Рогана. У первого из них изволил обедать раз в год его величество покойный король Франции, у второго — его величество император австрийский изволил обедать раз в месяц. Поэтому, ваша светлость, я знаю, как следует принимать коронованных особ. У принца де Субиза король Людовик Пятнадцатый бывал под именем барона де Гонесс, но все равно это был король. У другого из них, то есть у принца де Рогана, император Иосиф называл себя графом Пакенштайнским, но все равно это был император. Сегодня вы, господин маршал, принимаете графа Хагу, но, как вы его ни назовете, он все равно останется королем Швеции. Или сегодня вечером я покину ваш дом, господин маршал, или с господином графом Хагой здесь будут обращаться как с королем.

— А я уже битый час пытаюсь вам это запретить, поскольку граф Хага желает сохранить самое строгое и непроницаемое инкогнито. Узнаю, черт возьми, дурацкую суетность лакейских душонок! Не корону вы чтите, а себя, пользуясь для этого нашими экю!

— Я и в мыслях не допускаю, — колко парировал дворецкий, — что ваша светлость всерьез говорит о деньгах.

— Ну что вы, сударь, — в некотором смущении запротестовал маршал. — Деньги! Да кто говорит о деньгах! Прошу вас, не надо

ставить все с ног на голову, я только хотел подчеркнуть, что не желаю, чтобы здесь упоминали о короле.

— Но, господин маршал, за кого вы меня принимаете? Неужто вы считаете, что я способен на столь необдуманный поступок? Никто не собирается упоминать о короле.

— Тогда не упрямитесь и приготовьте обед к четырем часам.

— Это невозможно, господин маршал, так как в четыре еще не прибудет то, чего я жду.

— Чего же вы ждете? Какую-нибудь рыбу, как господин Ватель¹?

— Вот еще, при чем тут Ватель, — пробормотал дворецкий.

— Вам, кажется, не по вкусу такое сравнение?

— Да нет, просто благодаря удару шпагой, которым он покончил с собой, господин Ватель приобрел бессмертие.

— Ах, так вы полагаете, что ваш собрат заплатил за славу слишком дешево?

— Нет, ваша светлость, но подумайте сами: сколько таких же, как я, дворецких мучаются, сносят обиды и унижения гораздо худшие, нежели удар шпагой, и тем не менее не обретают бессмертия!

— Но не думаете ли вы, сударь мой, что для бессмертия нужно быть либо членом Академии², либо мертвецом?

— Коли на то пошло, ваша светлость, лучше уж оставаться в живых и исполнять свой долг. Не стану я умирать и исполню свой долг так же, как это сделал бы Ватель, будь господин принц Конде чуточку терпеливее и подожди он еще с полчаса.

— Но вы же посулили мне какие-то чудеса? Весьма ловко с вашей стороны.

— Нет, ваша светлость, никаких чудес.

— Чего же в таком случае вы ждете?

— Вы действительно хотите знать, ваша светлость?

— Еще бы! Мне очень любопытно.

— Я жду, ваша светлость, бутылку вина.

— Бутылку вина? Объяснитесь же! Это становится интересным.

— Дело вот в чем, ваша светлость. Его величество король Швеции, я хотел сказать, его сиятельство граф Хага, не пьет ничего, кроме токайского.

— Как! Неужели в моих погребях не найдется токайского? Если так, то эконома надо гнать в три шеи.

¹ Дворецкий принца Конде. Готовя обед в честь Людовика XIV, он увидел, что рыба не доставлена вовремя, и в отчаянии закололся шпагой.

² Членов Французской Академии называют «бессмертными», потому что на место одного умершего из 40 ее членов немедленно избирают другого.

— Нет, ваша светлость, у вас есть еще около шестидесяти бутылок.

— Стало быть, вы полагаете, что граф Хага выпивает за обедом шестьдесят одну бутылку?

— Немного терпения, ваша светлость. Когда господин граф Хага впервые посетил Францию, он был тогда только наследным принцем. Однажды он обедал у покойного короля, который как раз получил дюжину бутылок токайского от его величества императора Австрийского. Вам известно, что отборное токайское попадает только в императорские погреба и что даже монархи пьют его лишь в том случае, если получают в подарок от его императорского величества?

— Известно.

— Так вот, ваша светлость, из того вина, что отведал тогда наследный принц и нашел восхитительным, сейчас осталось только две бутылки.

— Вот как?

— Да, и одна из них все еще находится в погребах короля Людовика Шестнадцатого.

— А другая?

— А другая похищена, — с улыбкой триумфатора заявил дворецкий, который понял, что после долгой борьбы его победа уже близка.

— Похищена? Кем же?

— Одним моим другом, экономом покойного короля, человеком, который многим мне обязан.

— Так, и, стало быть, он вам ее отдал.

— Конечно, ваша светлость, — гордо ответил дворецкий.

— И что вы с нею сделали?

— Поместил в погреб своего хозяина, ваша светлость.

— Вашего хозяина? Кто же был в те времена вашим хозяином, сударь?

— Его светлость принц кардинал де Роган.

— Господи, так это было с Страсбурге?

— В Саверне.

— И вы послали кого-то за этой бутылкой, чтобы ее доставили мне? — воскликнул старый маршал.

— Вам, ваша светлость, — ответил дворецкий тоном, в котором явно звучало еще одно слово: «Неблагодарный!»

Герцог де Ришелье схватил верного слугу за руку и вскричал:

— Прошу меня извинить, сударь, вы — король дворецких!

— А вы хотели меня прогнать! — укорил хозяина тот, сопроводив свои слова непередаваемым движением головы и плеч.

— Я заплачу вам за эту бутылку сотню пистолей.

— И еще сотню вам будет стоить доставка, так что в общей сложности получается двести. Но ваша светлость должны признать, что это даром.

— Я признаю все, что вам будет угодно, сударь, а пока с сегодняшнего дня вы будете получать двойное жалование.

— Но, ваша светлость, я этого не заслужил, я всего лишь исполнял свой долг.

— А когда прибудет ваш гонец, посланный за этой бутылкой?

— Рассудите сами, ваша светлость, терял я время попусту или нет. Когда ваша светлость объявили мне об обеде?

— Кажется, три дня назад.

— Гонцу, который будет скакать во весь опор, требуется двадцать четыре часа на дорогу туда и столько же — на обратную.

— Остается еще двадцать четыре часа. Признайтесь, монарх дворечских, на что вы их употребили?

— Увы, ваша светлость, я их потерял. Мысль о вине пришла мне в голову лишь на следующий день после того, как вы вручили мне список приглашенных. Теперь добавьте время, необходимое для совершения сделки, и вы поймете, ваша светлость, что, назначая обед на пять часов, я просил о совершенно необходимой отсрочке.

— Как! Бутылка еще не здесь?

— Нет, ваша светлость.

— Боже милосердный! А вдруг ваш собрат из Северна проявит такую же преданность принцу де Рогану, какую вы проявляете ко мне?

— Я не понимаю вас, ваша светлость.

— Вдруг он откажется отдать бутылку, как сделали бы, несомненно, вы на его месте?

— Я, ваша светлость?

— Ну да. Надеюсь, вы никому не отдали бы подобную бутылку, хранись она в моем погребе?

— Покорно прошу меня извинить, ваша светлость, но если бы кто-то из моих собратьев, которому предстояло бы принимать короля, попросил у меня бутылку вашего лучшего вина, я отдал бы ее, не колеблясь ни секунды.

— Вот как, — слегка скривился маршал.

— Помогай сам, и тебе помогут, ваша светлость.

— Вы меня немного успокоили, — со вздохом проговорил маршал, — но риск все же есть.

— Какой, ваша светлость?

— А вдруг бутылка разобьется?

— Ох, ваша светлость, еще не случалось, чтобы кто-нибудь разбивал бутылку стоимостью в две тысячи ливров.

— Ладно, я был не прав, не будем больше об этом. Так когда же прибывает ваш гонец?

— Ровно в четыре часа.

— В таком случае что нам мешает сесть за обед в четыре? — снова принялся за свое маршал, упрямый как мул.

— Ваша светлость, вино должно отдыхать в течение часа — и то лишь благодаря изобретенному мною способу. В противном случае оно отдыхало бы три дня.

Потерпев поражение и на этот раз, маршал отвесил дворецкому поклон в знак того, что сдается.

— К тому же, — продолжал тот, — ваши приглашенные, зная, что им предстоит честь обедать за одним столом с господином графом Хагой, раньше половины пятого не явятся.

— А это еще почему?

— Ну как же, ваша светлость, вы ведь, если не ошибаюсь, пригласили графа Делоне, госпожу графиню Дюбарри, господина де Лаперуза, господина де Фавраса, господина де Кондорсе¹, господину де Калиостро и господина де Таверне?

— И что из этого следует?

— Начнем по порядку, ваша светлость. Господин Делоне придет прямо из Бастилии, а по обледенелым дорогам из Парижа сюда не меньше трех часов езды.

— Да, но он выедет сразу после того, как заключенным будет подан обед, то есть в полдень, — это я знаю точно.

— Простите, ваша светлость, но с тех пор, как вы побывали в Бастилии, обеденное время там изменилось, теперь там обедают в час пополудни.

— Да, сударь мой, век живи, век учись. Благодарю вас, и продолжайте.

¹ Делоне, Бернар Рене (1740–1789) — комендант Бастилии, убит во время ее взятия. Дюбарри, Жанна (1743–1793) — фаворитка Людовика XV, обезглавлена в период террора. Лаперуз, Жан Франсуа (1742–1788?) — французский мореплаватель, в 1785–1788-м руководил кругосветной экспедицией, пропавшей без вести после выхода из Сиднея; ее останки впоследствии найдены на одном из островов Санта-Крус (ныне Соломоновы). Фаврас, Тома Май де (1744–1790) — политический сторонник графа Прованского, повешен на Гревской площади. Кондорсе, Жан Антуан Никола (1743–1794) — философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, отравился в период террора, чтобы избежать гильотины.

— Госпожа Дюбарри едет из Люсьенны, то есть все время под гору и по сплошной гололедице.

— О, это не помешает ей приехать вовремя. С тех пор как она перестала быть фавориткой герцога, она правит лишь баронами. Поймите и вы меня, сударь: я хочу приступить к обеду пораньше из-за господина де Лаперуза, который сегодня вечером отбывает и будет поэтому торопиться.

— Ваша светлость, господин де Лаперуз находится сейчас у короля и беседует с его величеством о географии и космографии. Так скоро король господина де Лаперуза не отпустит.

— Возможно, вы правы.

— Это точно, ваша светлость. Так же получится и с господином де Фаврасом, который беседует сейчас с графом Прованским о новой пьесе господина Карона де Бомарше.

— Вы имеете в виду «Женитьбу Фигаро»?

— Ее, ваше светлость.

— Известно ли вам, сударь, что вы — образованный человек?

— В свободное время я читаю, ваша светлость.

— Но у нас есть еще господин де Кондорсе, который как геометр, должно быть, отличается большой пунктуальностью.

— Это так, но он станет рассчитывать время и в результате опоздает на полчаса. Что же до господина де Калиостро, то он иностранец и живет в Париже недавно, поэтому, скорее всего, еще недостаточно осведомлен о порядках в Версале и может заставить себя ждать.

— Итак, — подытожил маршал, — если не считать Таверне, вы перечислили всех моих приглашенных, причем в последовательности, достойной Гомера, а также бедняги Раффе.

Дворецкий поклонился и ответил:

— Я не упомянул о господине де Таверне, потому что он — старый друг и поступит сообразно с обстоятельствами. Мне кажется, ваша светлость, мы не забыли никого из приглашенных?

— Нет, все точно. Где вы собираетесь подавать обед?

— В большой столовой, ваша светлость.

— Мы там замерзнем.

— Ее топят уже трое суток, ваша светлость, я поддерживаю там температуру в восемнадцать градусов.

— Прекрасно! Однако уже бьет половину. — Маршал бросил взгляд на часы.

— Да, сударь, уже половина пятого, и я слышу во дворе стук копыт. Это прибыла бутылка токайского.

— Служили бы мне так еще лет двадцать! — сказал старый маршал, поворачиваясь к зеркалу, тогда как дворецкий бросился в буфетную.

— Двадцать лет! — со смехом повторил чей-то голос, тут же оторвавший герцога от зеркала. — Двадцать лет! Я желаю вам этого, мой дорогой маршал, но тогда мне будет шестьдесят, я стану совсем старухой.

— Это вы, графиня? — воскликнул маршал. — Сегодня вы первая. Боже, как вы всегда свежи и хороши!

— Скажите лучше, «окоченели», герцог.

— Прошу вас, пройдемте в будуар.

— Вот как? Разговор с глазу на глаз, маршал?

— Нет, втроем, — раздался чей-то надтреснутый голос.

— Таверне! — вскричал маршал. — Вечно испортит весь праздник, — добавил он на ухо графине.

— Вот фат! — рассмеявшись, бросила графиня, и все трое прошли в соседнюю комнату.

2. Лаперуз

В тот же миг приглушенный стук колес по заснеженным плитам двора известил маршала о прибытии остальных гостей, и вскоре благодаря распорядительности дворецкого девять приглашенных уселись за овальный стол в столовой; девять лакеев, немых, словно тени, проворных, но без торопливости, предупредительных, но без навязчивости, заскользили по коврам, не задевая ни самих гостей, ни даже их кресла, покрытые мехами, в которых буквально утопали сидящие за столом.

Гости маршала наслаждались нежным теплом, струящимся от печей, ароматами мяса, букетами вин, а после супа завязалась и застольная беседа.

Ни звука не доносилось снаружи, так как ставни были плотно прикрыты, внутри также царил полная тишина: не звякала ни тарелка при перемене, ни столовое серебро, бесшумно появлявшееся на столе из буфетной, и даже дворецкий отдавал приказы лакеям не шепотом, а взглядом.

Минут через десять приглашенные почувствовали, что они в столовой одни — слуги казались столь немymi и бесплотными, что обязательно должны были быть и глухими.

Г-н де Ришелье первым нарушил царившее за столом молчание, обратившись к соседу справа:

— Почему вы ничего не пьете, господин граф?

Тот, к кому были обращены эти слова, был блондином лет сорока, невысоким, но широким в плечах; в его обычно грустных светло-

голубых глазах порою мелькала искорка оживления, все черты его породистого, открытого лица выражали врожденное благородство.

— Я пью лишь воду, маршал, — ответил он.

— Но только не у Людовика Пятнадцатого, — возразил герцог. — Я имел честь обедать у него вместе с вами, господин граф, и тогда вы осмелились попробовать вина.

— Да, это чудное воспоминание, господин маршал. В семьдесят первом году я действительно пил там токайское из императорских погребов.

— Такое же вино мой дворецкий имеет честь наливать вам в эту минуту, господин граф, — сообщил Ришелье и поклонился.

Граф Хага поднял бокал к глазам и посмотрел сквозь него на свечи. Они сияли, словно расплавленные рубины.

— Действительно, — подтвердил он. — Благодарю вас, господин маршал.

Граф произнес слова благодарности с таким благородством и изяществом, что присутствующие в едином порыве поднялись с кресел и воскликнули:

— Да здравствует его величество!

— Правильно, — подхватил граф Хага, — да здравствует его величество король Франции! Не так ли, господин де Лаперуз?

— Господин граф, — ответил капитан негромко и почтительно, как человек, привыкший разговаривать с коронованными особами, — я покинул короля час назад, и он был ко мне так добр, что никто громче меня не воскликнет: «Да здравствует король!» Однако, поскольку через час я поскачу на почтовых к морю, где меня ожидают два корабля, отданные под мою команду его величеством, и окажусь далеко отсюда, я прошу у вас разрешения приветствовать сейчас другого короля, которому я был бы рад служить, не будь у меня столь хорошего господина.

И, подняв бокал, г-н де Лаперуз скромно поклонился графу Хаге.

— Вы правы, сударь, мы все готовы выпить за здоровье господина графа, — вмешалась г-жа Дюбарри, сидевшая слева от маршала. — Только пусть этот тост провозгласит наш старейшина, как выражаются в парламенте.

— Любопытно бы знать, Таверне, на кого тут намекают — на тебя или на меня? — рассмеялся маршал, бросив взгляд на старого друга.

— Не думаю, — заметил гость, помещавшийся напротив маршала де Ришелье.

— Чего вы не думаете, господин де Калиостро? — пронзительно взглянув на него, спросил граф Хага.

— Я не думаю, господин граф, — с поклоном отвечал Калиостро, — что наш старейшина — господин де Ришелье.

— О, вот это славно! — воскликнул маршал. — Похоже, речь идет о тебе, Таверне.

— Да полно, я же моложе тебя на восемь лет. Я родился в тысяча семьсот четвертом году, — возразил почтенный старец.

— Неужто вам восемьдесят восемь лет, господин герцог? — удивился г-н де Кондорсе.

— Увы, это так. Подсчитать несложно, особенно такому математику, как вы, маркиз. Я родился в прошлом веке, в великом веке, как его называют, в тысяча шестьсот девяносто шестом году.

— Невероятно! — заметил Делоне.

— О, будь здесь ваш отец, господин губернатор Бастилии, он ничего невероятного в этом не усмотрел бы, так как я был у него на пансионе в тысяча семьсот четырнадцатом году.

— Уверяю вас, — вмешался г-н де Фаврас, — что старейшина среди нас — вино, которое господин граф Хага как раз наливает себе в бокал.

— Вы правы, господин де Фаврас, этому токайскому — сто двадцать лет, — отозвался граф. — Ему и принадлежит честь быть поднятым за здоровье короля.

— Минутку, господа, я протестую, — заявил Калиостро, оглядывая присутствующих умными, живыми глазами.

— Протестуете против права этого токайского на старшинство? — раздался голоса сотрапезников.

— Разумеется, потому что эту бутылку запечатывал я, — спокойно пояснил граф.

— Вы?

— Да, я. Это случилось в день победы, одержанной Монтекуколи¹ над турками в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году.

Эти слова, произнесенные Калиостро с непоколебимой серьезностью, были встречены взрывом хохота.

— В таком случае, сударь, — сказала г-жа Дюбарри, — вам должно быть около ста тридцати лет — я прибавила десяток лет, потому что вы ведь должны были умудриться налить это прекрасное вино в такую большую бутылку.

— Когда я производил эту операцию, мне было больше десяти лет, сударыня, поскольку через день его величество император Авс-

¹ Монтекуколи Раймунд (1609–1680) — граф, имперский князь и герцог, австрийский фельдмаршал, в 1664 г. одержал победу над турецкими войсками у монастыря Санкт-Готхард.